

РОМАН ЕМЕЛЬЯНОВ
А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е60

Художник: *Надежда Царевская*
Дизайн обложки: *Артеми́й Выпихов*

Емельянов, Роман.

Е60 А был ли мальчик? : [повесть] / Роман Емельянов; художник Надежда Царевская. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 256 с. : ил. — (ОДОБРЕНО РУНЕТОМ).

ISBN 978-5-17-154710-3

Жизнь современного Остапа Бендера полна не только афер и приключений. Она преисполнена раздумий и... бесконечного одиночества. Поиск смысла существования через осознание любви как центра Вселенной и семьи как малого ее отражения.

Новая книга Романа Емельянова вышла совсем иной. Первая — «Вата, или Не всё так однозначно» — была стремительна и иронична. «А был ли мальчик?» — поиск сути, основы жизни. Прочитав ее, вы сделаете выбор: прожить или пережить эту жизнь.

Роман Емельянов — писатель со своим генетическим кодом. Его отец — замечательный учитель русского языка и литературы. В этой книге вы не найдете случайных слов. Каждое из них приведет вас к интересным размышлениям и новым, ярким ощущениям.

*Сергей Шакуров, советский и российский актер театра и кино, телеведущий.
Народный артист РСФСР*

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-154710-3

© Роман Емельянов, текст, ил., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

1

Зритель любит детективные фильмы.
Приятно смотреть картину, заранее зная,
чем она кончится.

«Берегись автомобиля»

Пятница. Утро. Вся семья в сборе. Павлику вчера исполнилось три года. Он, обложенный новыми игрушками, внимательно следит за перипетиями судьбы мультяшного Дяди Федора. Полина пользуется каждым удобным мгновением, чтобы закинуть в рот сына ложку каши. Павлик морщится, держит ухо востро, но изредка продовольственные войска прорывают плотные ряды обороны. Платон не спеша пьет кофе и наслаждается этим сладким мещанским счастьем. Он щурится от пробивающегося сквозь тополя за окном октябрьского солнца, хрустит пресным печеньем и не думает ни о чем. В такие мгновения ему хочется поставить жизнь на паузу. Это медленные минуты полного блаженного забытья, не свойственного его изошренному

сознанию. Здесь его убежище. Параллельный мир, другая реальность. Закрывая за собой дверь, он оставляет за порогом все лишнее. А лишнее и есть — все. Все, кроме Павлика. В этом человеке сконцентрировались вся любовь, вся суть и вся сущность Платона. Он и не подозревал прежде, что способен испытывать подобное. Среда его обитания была всегда полна риска, скоропостижных перемещений, смены имен и даже обличий, и, прежде всего, она была сплетена из эгоизма. Это диктовало не столько и не только нутро Платона. Это были непереносимые условия собственной безопасности. Причем он настолько привык существовать в этой парадигме, что она вовсе его не тяготила, и, даже напротив — дарила ему ощущение занятости, осмысленности и всячески наполняла его жизнь. Никому не доверять, полагаться исключительно на собственные силы, мозги и руки, ни к кому и ни к чему не привязываться, не бросать якорь... Это все стало частью его характера, его «самости». Нельзя сказать, что вовсе не подкатывало к горлу горьким комком одиночество, но Платон давно научился реагировать на это молниеносно. Первые же признаки депрессии топились в виски, женщинах и работе — банальном пиратском наборе, если не брать в расчет работу. Банально, даже пошло, но, как ни странно, работает. Работа была для него

всем, и при необходимости заменяла тоже все — друзей, жену, семью... Да и не страдал он особо без жены-то. Когда случалось задуматься или замечтаться об идеальном «пенсионном» укладе, то жены там и вовсе не было. Это никогда не были уютный камин и песня моющейся посуды, льющаяся с кухни. Платон не относился к бытовым романтикам, стремящимся к тихой радости домашнего болотца. Эти гоголевские персонажи и рады бы сидеть в продавленном кресле с рюмкой чего-то там, поглаживать брюшко и радоваться мелодии быта: «Жена. Хорошо, что есть жена...» Ну, есть. Ну, жена. И что? Зачем? Все, что ему требовалось от женщин, Платон привык получать и без совершения утомительного и недешевого обряда бракосочетания. Более того, быть никому ничем не обязанным — в этом находилась особая прелесть. После секса Платону не хотелось даже разговаривать. И он мог себе это позволить. Все попытки партнерш завести беседу пресекались коротко и твердо.

Другое дело — дети. Точнее, сын. О сыне Платон мечтал с детства, как бы странно это ни звучало. С того самого, его личного уродливого детства, в котором он встречал мало чего хорошего. Эта мечта была его долгом. Долгом самому себе. Еще будучи мальчишкой, Платон поклялся, что когда-нибудь он сделает хотя бы одного ре-

бенка счастливым, так как он-то точно знает, что именно маленькому человеку для этого нужно. И потому он, Платон, никогда не станет взрослым в том понимании, в том обличье, в котором он привык с ними (взрослыми) сталкиваться. Кто, будучи ростом с гнома, не давал подобных обещаний, честно говоря? Все они забываются, стираются из памяти и крови, стоит лишь подвергнуться жесткой общественной обработке школой, работой и социумом — всем тем, что мы ошибочно называем «взрослением». Но в любом стаде есть исключения. Вот и Платона настиг какой-то генетический дефект, который позволил ему пронести эту детскость сквозь года и остаться верным своим главным детским ориентирам.

Поэтому теперь он был абсолютно, неожиданно, фантастически счастлив. И даже Полина не мешала этому его счастью. Просто была не в силах помешать. Даже то, что она и сейчас что-то без конца говорила, как обычно. Он научился отключать звук. Даже не отключать, а настраивать. С одной стороны, он слышал сейчас абсолютно все: вот машина проехала под окном, вот ветер гуляет в редкой листве, вот Павлик чавкает, а Дядя Федор предлагает пойти искать клад. Только частотный регистр звуков голоса Полины выключен. Разумеется, он вернет настройки в исходное положение, когда ему будет необходимо войти с ней в коммуникацию. Просто щелкнет

воображаемым тумблером. Можно сказать, что он Полину не любил, но нельзя сказать, что в нем был хоть намек на какие-то негативные оттенки чувств по отношению к ней. Чувства были, но обесцвеченные и безвкусные, как крекер, который сейчас жевал Платон... И, конечно же, речи о том, чтобы расстаться с ней, не было. Во-первых, он был невероятно благодарен ей за счастье отцовства. Во-вторых, с его рискованной и непредсказуемой работой, для Павлика был просто необходим запасной вариант. Случись что с Платоном, он должен знать, что рядом с сыном находится родной человек, который его не оставит. Ну и, наконец, при всех своих недостатках, Полина была не самой плохой матерью. По крайней мере, за няней, которая вот-вот должна была прийти, она следила вполне сносно.

Платон взглянул на часы. Пора возвращаться в реальность. Он мысленно вернул все настройки звука на место, комната тут же наполнилась голосом Полины.

— ...И я такая ей говорю: дура, тебя же надули. Это не «Гуччи», а китайская подделка. Уж я-то на этом собаку съела. На первый взгляд различия не видны. Надо смотреть знаешь где?

— Где? — Платон изобразил живой интерес, словно он слышал историю с самого начала. С его неоконченным актерским образованием это не составило особого труда.

— Подкладка! — Полина сделала драматическую паузу, как бы давая Платону осознать всю невероятность полученной информации.

— Не может быть!

— Подкладка и швы! Точно тебе говорю. Но там тоже надо знать нюансы! В общем, она три недели выполняла все его прихоти, даже не буду рассказывать тебе все подробности... Скажем так, китайская подделка и «ролексы» — это все, что она себе насосала...

— Полина!

— Да он ничего не понимает и не слышит, весь в мультиках. Еще надо проверить, «ролексы»-то настоящие или...

— Все, мне пора!

Раздался спасительный звонок в дверь. Няня пришла. Платон вновь посмотрел на циферблат. На полчаса раньше.

— Кто там?

— Откройте! — донесся из-за двери совсем не нянин мужской голос.

— Кто там? — повторил Платон, чувствуя неладное. Человек, который всю жизнь ждет подобного визита, редко ошибается в выводах, когда его черед таки настает. Он резко обернулся назад и посмотрел на Павлика. Тот неотрывно смотрел в айпад.

— Откройте, полиция!

2

— Дружба — это всё. Дружба превыше таланта. Сильнее любого правительства. Дружба значит лишь немногим меньше, чем семья. Никогда это не забывай.

«Крестный отец»

Начало конца. Так впоследствии назвал этот период Платон. Именно тогда он допустил этот непростительный промах, который стал причиной вереницы дальнейших событий. Dominoшка за dominoшкой валялись, цепляя и увлекая за собой все вокруг. Впрочем, череда катастрофических ошибок и просчетов в итоге привела, кроме всего прочего, к появлению Павлика, и Платон не мог оценивать этот этап своей жизни исключительно с негативной стороны. И между тем...

Тогда в голове Платона родилась неплохая, как ему показалось, идея... Надо сказать, в своей работе он нередко опирался на изобретения своих зарубежных коллег, внимательно изучал

историю, адаптировал мировой опыт под российскую реальность. Но иногда на него нисходило вдохновение — и рождалась оригинальная затея. В такие минуты он чувствовал себя скульптором. Перед ним возвышалась каменная громадина, от которой предстояло отсечь все лишнее. Но прежде чем приступить к работе, до того, как хвататься за молоток, необходимо было прорисовать в голове мельчайшие детали, четко осознать замысел. Это было и гораздо интереснее — сделать что-то с нуля, создать нечто свое, и амбициознее, чем заниматься просто копированием (нельзя сказать, что Платон уж совсем не мечтал оставить след в истории). Амбиции — важнейший ингредиент в рецептуре приготовления человека. Стоит забыть его добавить, и самый невероятный талант протухнет в мастерской рутине или вовсе не разовьет свой дар. А перестараться, кинешь амбиции в котел личности сверх меры — тоже пиши пропало. Жажда славы не даст сосредоточиться на деле, эфемерный газ успеха просочится в каждое творение и испортит его. У Платона с дозировкой амбиций был полный порядок.

Несмотря на то что в любых делах он всегда старался полагаться прежде всего на себя самого, вовсе без контактов и помощников обойтись было просто невозможно. Одним из слабых мест

подавляющего количества существующих схем всегда был сбыт, поэтому Платон редко связывался с каким-либо товаром. Живые деньги, наличные, благословенный «кэш» как итог благополучно завершившейся операции — идеален. Но в данном случае, о котором идет речь, все отягчающие обстоятельства были налицо. Рейс к наличности был с пересадкой. Если дело выгорит, то будет и товар, и, следовательно, сбыть его будет тоже необходимо. Впрочем, на этот раз со сбытом проблем быть не должно. Потому что именно с него все и завертелось.

Такие истории, кажется, всегда начинаются примерно одинаково: «Один знакомый познакомил с другим знакомым...» Так получилось, что Платон отмечал успех одного небольшого, но весьма удачно завершившегося дела. Выпивали с Витей в ресторане «Паризьен» на Динамо. Витя — однокурсник Платона по театральному институту, пожалуй, его единственный друг, а иногда и сообщник. Когда нужно талантливо исполнить сложную роль — лучше кандидатуры не сыскать. Виктор еще в училище великолепно менял не только внешность, но и повадки, возраст и даже, если надо, пол. Что уж там говорить, Витя был лучшим на курсе. Когда он закончил училище, за него боролись самые именитые театральные труппы Москвы и Питера. В Сатириконе, прямо

со студенческой скамьи, звали сразу на главную роль. Но он почему-то предпочел Малый театр. И вот уже почти двадцать лет в основном был занят тем, что пил. Нет, он, разумеется, появлялся на сцене, причем почти ежедневно: у него было немало ролей, а одна даже со словами.

Труппа Малого театра всегда была огромной, спектаклей ставилось много, постановки были всегда масштабными, ролей было... тьма-тьмущая. Но приличные доставались в основном старикам. Дедовщина в российских театрах — вещь обыденная и как бы даже «в традиции». Так, к примеру, в течение долгих лет в Малом царей играть могли только два артиста, один из которых по совместительству был директором театра, а второй — главным режиссером и художественным руководителем. Так и соревновались они десятилетия напролет, кто больше особ царских кровей сыграет. Впрочем, молодых и талантливых артистов тоже не обижали: коньяк и закуску в буфете отпускали легко и в бессрочный кредит. Так и проходят дни лучших выпускников Щепкинского театрального училища — под коньячок с душевной беседой, в ожидании выхода на сцену со своим «кушать подано», а из матюгальника в углу транслируется идущий на сцене спектакль и несется звонкий голос пятидесятилетней народной и заслуженной артистки,

уже тридцать лет бессленно играющей бесприданницу Ларису Огудалову.

В общем, выпивали в «Паризьене»... Платон передал Вите увесистый конверт, тот не глядя утопил его в глубоком внутреннем кармане пошарпанного пиджака и поднял стопку:

— Искренне признательны вам, Платон Платонович, что не забываете старого служителя Мельпомены.

— Священнодействуй или убирайся вон! — ответил ему Платон словами Щепкина, высеченными при входе в театральный вуз.

— Аминь.

Друзья выпили.

— Что думаешь, война будет? — Витя боролся с креветкой, пытаясь освободить ее от панциря.

— С чего это?

— Ну, сам посмотри, отжали Крым? Отжали! Донбасс тоже, поди, отождем... Думаешь, наши западные партнеры, как их ВЭВЭ называет, с этим смирятся?

— А куда они денутся? — Платон принялся за только что прибывший стейк. — У нас ядерное оружие...

— Во-о-о-от! Ты, Платон Платоныч, в корень зришь. Я тоже об этом подумал. Заметь, во все времена война являлась неизменным триггером экономического роста...

— Ничего себе ты слова знаешь!

— Короче, экономику из жопы всегда доставали с помощью активных боевых действий. Помахали шашками, а потом бац — немецкое экономическое чудо, а заодно японское, советское и прочие...

— За чудо?

— За чудо! — Опрокинув рюмку, Витя вкусно заполировал тонкий вкус исландской водки соленым огурчиком. — К тому же война, она всегда была одним из главных регуляторов численности населения, брат.

— И болезни!

— Во-о-о-от! Ты, Платош, не такой дурак, как я думал!

— Спасибо!

— Не за что, это — грубая лесть. Салатик передай, пожалуйста. Ты абсолютно прав. Война и эпидемия — равно бабки и стабильность... Десятки тысяч лет гомо, не побоюсь этого слова, сапиенс на лошади на работу ездил, рожал по десять детей, на всякий случай — знал, что выживет от силы пара... А тут в двадцатом веке все словно с цепи сорвались. Антибиотики, прививки — р-р-р-раз, хрен вам, а не детская смертность. Ядерное оружие — р-р-р-раз, хрен вам, а не война! Итог? Семь миллиардов тунеядцев находятся в вонючем экономическом и экологическом тупике.

— А на фига ты в театральный пошел, Вить? Тебе надо было в Институт управления али во МГИМО. Хотя и теперь не все потеряно! Артист-президент — это теперь норма. И какой же выход? — Витя вскинул бровь, многозначительно вздернул палец к небу и голосом Лукашенко выдал рецепт:

— Эпидемия.

— Антибиотики же?

— Современная наука, брат, давно уже знает, как их обойти. Лучшие лаборатории мира трудятся не покладая рук над новыми смертоносными вирусами, чтобы спасти человечество, как это ни парадоксально звучит.

— И что же делать? — Платон улыбался до ушей.

Он обожал эти конспирологические беседы с Витей. И, как ни странно, в потоке звучащей ереси кое-что казалось ему небезынтересным.

— Валить надо, — грустно молвил артист Малого театра, наполняя рюмки.

— Ой, давно этого не было, не начинай. В Коста-Рику?

— В Коста-Рику! Ты знаешь, что это — единственная страна в мире, у которой в Конституции прописано отсутствие армии! Ни одного солдафона на всю прекрасную Коста-Рику! А парки!..